

ЛЕТОПИСНЫЕ КРИВИЧИ-РУССКИЕ: от прозвища к социальному статусу

Николай Смахович,
зав. центром истории
Беларуси конца
XVIII–XXI вв. Института
истории НАН Беларуси,
доктор исторических
наук, доцент

К числу актуальных задач белорусской историографии относится вопрос происхождения белорусского народа, его государственности. Издавна присутствующее смысловое разногласие в толковании сути этих концептов создает трудности в подготовке нового поколения научной литературы по истории Беларуси. Полагаю, что решение проблемы возможно на пути нового прочтения известий летописных источников, осмысления их содержания с точки зрения защиты национальных интересов и идентичности нашего народа, чему и посвящена данная статья.

Кривичи в Смоленске. Миниатюра из Радзивилловской летописи, конец XV в.

К вопросу о происхождении прозвища

В белорусской историографии вопрос о происхождении летописного прозвища «кривичи» до сих пор является достаточно дискуссионным. Дело в том, что длительное время многие исследователи, руководствуясь метафизической методологией, в решении этого вопроса пытались «привязать» прозвище к чему-либо созвучному или очевидному. Такой подход типичен для Н. Карамзина, С. Соловьева, Т. Нарбута, А. Киркора, Б. Рыбакова, П. Третьякова, Г. Штыхова и других. В частности, российский советский историк В. Мавродин писал: «Откуда пошло имя кривичей, великого и многочисленного восточно-славянского племени, мы не знаем. Объяснение названия «кривичи» от «коровичи» тем, что якобы они ведут ко времени тотемического мышления, мне кажется мало убедительным. Так же мало обоснованной является попытка связать имя «кривичей», «кревов», с «крев», «кровь» в значении «кровники» и «кровные родственники». Могущество и многочисленность этого русского племени,

распространившего свои владения от реки Великой до Западной Двины, от Изборска и Пскова, от дремучих литовских пущ до верховьев Волги, Угры и Москвы-реки, до Ростова и Ярославля, земли летописной мери, земли Суздальской, от Наровы и Луги на севере до средней Березины и верховьев Днепра на юге, отразились и в расказах нашей летописи, и в легендах о «Великой Криви», и, наконец, в той исторической роли кривичей, которую они сыграли в продвижении славян на запад, север и восток, – в создании Киевского государства и русских княжеств удельной поры» [1].

Однако в российской советской историографии единого мнения по вопросу о том, кто такие кривичи, не было. При этом значительная часть историков воспринимала балтскую концепцию происхождения белорусского этноса, что не способствовало поиску исторической истины. Рассуждая о заселении территории Беларуси, известный советский археолог Б. Рыбаков писал: «В древности эта область была занята пралитовскими племенами. Продвижение славян сюда было постепенным и малозаметным. Со временем местное балтское население смешалось со славянами и было в известной мере ассимилировано ими, но в самом названии этого огромного славянского союза племен, раскинувшегося в широтном направлении почти на тысячу километров, сохранилось имя литовского верховного бога Криве-Кривейте. Особым небольшим племенным союзом были Полочане, всегда выделяемые летописцем как самостоятельная единица. Они названы по небольшой речке Полоте, правому притоку Западной Двины» [2].

Белорусские археологи, как правило, толковали происхождение и суть термина «кривичи»,

основываясь на подходах российских исследователей, их суждения созвучны трактовкам Б. Рыбакова. «Па-рознаму выводзяць гісторыкі назву “крывічы”: ад прозвішча старэйшага роду Крыў (Крыва), што найбольш верагодна, ад слоў “крэўныя” (блізкія па крыві, у сэнсе параднёныя), ад імя язычніцкага першасвяшчэнніка Крыва – Крывейтэ, ад “крывізны” гарыстай мясцовасці і інш.» [3], – писал патриарх белорусский археологии Г. Штыхов.

«Крывічы як этнічная супольнасць пачалі фарміравацца яшчэ ў сярэдзіне I тысячагоддзя і напачатку былі амаль выключна балтамі. Мабыць, і назва іх была тады іншай. Толькі часам яны ўсё больш набываюць славянскія рысы. Мабыць, таму часам і летапісцы сумняваліся – ці адносіць крывічоў да славянскай мовы» [4], – полагал белорусский археолог М. Чернявский.

Вместе с тем с трактовкой Б. Рыбакова согласились не все советские историки. В частности, В. Мавродин довольно аргументированно доказывал, что благодаря длительному соседству литовцы и стали именовать всех русских «кривами». «Сами литовцы больше всего сталкивались с кривичами, что нашло свое отражение в наименовании литовцами всех русских именем своих исконных соседей “кревами” (“kreews”). “Крев”, “kreews” – русский, “kreewu seme” – Русская земля, Россия, “Kreewu tizziba” – русская вера – все это говорит о длительных связях литовцев и кривичей, об их давнем соседстве» [1]. Это суждение поддержал В. Седов, который писал, что «ближайшие соседи псковичей – латыши до сих пор именуют русских этнонимом кривичей (krievs)» [5].

В версии В. Мавродина имя верховного литовского бога Криве-Кривейте не имело непо-

средственного отношения к прозвищу «кривичи». Однако, думается, летописец знал о связях соседних литовских язычников с полочанами, что сказалось на его оценке их социальной и обрядовой жизни. И нет сомнения, что речь идет именно о полочанах. В целом на страницах белорусской историографии, в школьной и университетской литературе «прописалось» положение не отражавшей реальности исторического процесса балтской концепции (см.: «Наука и инновации». 2025. №3. С. 63–70), согласно которой славяне, поселившиеся в Подвинье, учились жить и трудиться в соответствии с обычаями и традициями местных балтов, перенимали их религиозные верования и как бы от них получили этническое прозвище.

Кривичи-русские – термин для обозначения социально-политического статуса его носителей

Думается, что такие представления о славянской колонизации территории Восточной Европы противоречат сути исторического процесса. Ведь на территории Европы не только славяне были завоевателями и колонизаторами. Когда древние греки, римляне, другие этнические объединения вторгались в земли иных народов, в соответствии с вековыми обычаями и традициями мужское население, оказывавшее сопротивление, предавалось мечу, а женщины и дети «брались на щит», то есть становились собственностью захватчиков и обращались в рабство. Вот как воевавшие с Римом кампанцы поступили даже с теми, кто им доверился. «Будучи допущенными в город как друзья, они завладели им, часть жите-

лей изгнали, других перебили, а женщин и детей несчастных мессенян, какие кому попали в руки при самом совершении злодеяния, кампанцы присвоили себе, засим остальное имущество и землю поделили между собою и обратили в свою собственность. Так как прекрасная страна и город были взяты быстро и легко, то кампанцы скоро нашли себе подражателей» [6].

Как отмечается в российской, белорусской историографии, историографии других стран, славянские этнические объединения, известные под названием «венеды», на протяжении многих веков жили на территории Центральной и Южной Европы. «Принадлежность венедов к славянам не вызывает сомнений. <...> Никаких следов языка венедов в письменных источниках мы не обнаруживаем. Никаких слов, никаких имен собственных писатели древности нам не сохранили» [1].

Действительно, римский историк греческого происхождения Полибий сообщает, что «странами, доходящими уже до Адриатики, завладело другое очень древнее племя, носящее имя венетов; в отношении нравов и одежды они мало чем отличаются от кельтов, но языком говорят особым. Писатели трагедий упоминают часто об этом народе и рассказывают о нем много чудес» [6]. Полибий пишет, что в период трех Пунических войн между Римом и Карфагеном (264–148 до н.э.) одним из самых драматичных для Вечного города был поход талантливого карфагенского военачальника Ганнибала. Вторая война, или война с Ганнибалом, была в 218–201 гг. до н.э. «Чтобы определить ясно и точно те силы, на какие впоследствии дерзнул напасть Ганнибал, и то могущество, которое он с изуми-

тельной отвагой задумал сокрушить, успев в своих замыслах настолько, что нанес римлянам жесточайшие поражения, необходимо показать военные средства римлян и исчислить войска, имевшиеся у них в то время. С консулами вышли четыре римских легиона, каждый в пять тысяч человек пехоты и триста человек конницы. Оба консула имели при себе союзников, общее число их доходило до тридцати тысяч пехоты и двух тысяч конницы. <...> От умбров и сарсинов, занимающих Апеннины, прибыло всего до двадцати тысяч, с ними соединились также в числе двадцати тысяч венеты и гономаны. <...> Таковы были войска римлян, поставленные для охраны страны» [6].

Из процитированного следует, что на службе у римлян были славяне-венеды, они знали их обычаи, тонкости военного дела, чтит воинскую доблесть. «Золотым венком консул награждает солдат, которые при взятии города первые взошли на стену. Он отличает наградами и тех из римлян и союзников, которые в битве прикрыли кого-либо щитом и тем спасли его. Спасенные также награждают своих спасителей венком или по собственному побуждению, или если этого не сделают, по судебному приговору трибунов. Да и на всю жизнь спасенный чтит своего спасителя как отца и обязан угождать ему во всем как своему родителю. Такого рода поощрения возбуждают к соревнованию в военной доблести не только свидетелей и очевидцев, но и остающихся дома граждан. Ибо солдаты, удостоенные подобных наград, помимо того, что слава идет о них в лагерь и теперь же достигает родины, участвуют в торжественных процессиях со знаками отличия: носить

подобные украшения может лишь тот, кого консул наградил ими за доблесть; в домах своих они кладут снятые с неприятеля доспехи на самых видных местах, как памятники и свидетельства своей доблести» [7].

Будучи союзниками, у римлян славяне-венеды учились ремесленному мастерству, особенно, городскому житию и многому другому. Понятно, что в процессе колонизации территории Восточной Европы по своему социальному, цивилизационному устройству славяне далеко опережали местных балтов, которые находились на стадии доклассового общества, поэтому перенимать у последних было практически нечего.

Вместе с тем мы вынуждены принять во внимание следующее весьма важное обстоятельство. Дело в том, что период славянского расселения и колонизации новых территорий в Восточной Европе охватил VI–VIII вв., а летописи писались в конце XI – начале XII в., то есть почти через 300 лет. Понятно, что ко времени их написания так называемые «племена», которые в соответствии с библейской традицией летописец именовал «родами», давно канули в Лету, «перестали существовать» [1]. Как совершенно справедливо отметил В. Мавродин, «в припоминаниях летописца могли быть и домыслы, и неточности, и явные искажения, и досадные пропуски» [1].

И какой факт обращает на себя внимание? Это отличительная особенность, суть которой заключается в том, что в ряде случаев новые имена-прозвища ассоциировались не с культурой, родовыми традициями, а с примитивным и очевидным, например лесным бором, широким полем, водно-болотной средой, что с точки зрения метафизики

вполне естественно, особенно для тех случаев, когда иного объяснения на ум не приходило. Как подметил М. Покровский, гористую, с точки зрения аборигенов, аналогичную дреговичской, кривичской, радимичской болотно-лесистую, бор-лесную местность можно отыскать среди гор, лесов и болот Финляндии, такого природного ландшафта в тех краях не меньше, чем в Волынской губернии [8].

По следам научных поисков

Белорусские исследователи также выдвигали концептуальные положения, которые касались происхождения названия «кривичи». Одним из них был известный этнограф М. Пилипенко, работы которого оказали определенное влияние на историографические исследования. «Вероятнее всего, название “кривичи” действительно отражает своеобразие той значительной части их территории на Минщине и Смоленщине, где много холмов, а местность как бы кривая: возвышенные места чередуются с более низкими. Такой характер местности особенно типичен для юга и востока их этнической территории. В отличие от первоначальной болотистой местности дреговичей ее могли назвать кривой. Поэтому название “кривичи” происходит не от литовского kirba (болото), а от слов, обозначающих холмистую местность. Слова, которыми фиксируется холмистость, кривизна, в балтском и славянском языках близки по звучанию и составу основы. Много слов со значением кривизны есть в литовском языке (kreivas – кривой, kreivinti – кривить, искривлять, kreivumas – кривизна, kreivomis – косо, kreivuzas – кривая вещь). К литовским словам близки по

значению и звучанию, корневой основе белорусские слова “крывы” – вогнутый, неровный, не прямой, “крывіць” – делать кривым, выгнутым, неровным, непрямым, “крывець” – становиться кривым, выгнутым, неровным, “крывуля” – кривая вещь, кривое дерево, палка с загнутым верхним концом. Подобные слова есть в сербохорватском языке (“крив” – кривой, неровный, “кривити” – сгибать, кривить, “кривина” – кривизна). Поскольку первоначально на территории славянской этнической общности кривичей жили не славяне, а балты, можно предположить, что термином с первоначальной основой крив (kreiv) здесь называлось балтское население. <...> После смешения этого населения со славянами и формирования славянской этнической общности оно несколько изменилось, сохранив прежнюю основу, к которой было добавлено славянское – “ичи”. Так появилось наименование новой этнической общности “кривичи”. <...> Таким образом, данные археологии, языкознания, антропологии свидетельствуют о том, что раннесредневековые этнические общности – дреговичи, радимичи и кривичи сформировались в результате синтеза славянских и балтских

групп населения» [9], – подытожил М. Пилипенко.

Это его положение коррелирует с концептуальными версиями литовских и латвийских историков, согласно которым культурный код восточнославянские родовые общности, поселившиеся на территории Беларуси, также заимствовали у местных балтов.

Аналитическое осмысление изложенных историографических трактовок невольно вызывает вопрос: по каким причинам длительное время в советской и белорусской историографии историческое прошлое кривичей связывалось с балтами? Думается, что во многом ответ на этот вопрос содержался в летописных известиях. Весьма вероятно, что причина «причисления» кривичей к балтам таилась в том факте, что в «Повести временных лет» (ПВЛ) кривичи не отнесены к этническим группам, говорившим на славянском языке, и не один М. Чернявский обращал внимание на этот факт. На «незыблемость критерия», по которому летописец оценивал этническую принадлежность, – «язык племени, народа» [10] – указывал первооткрыватель исторического Берестя, археолог П. Лысенко. В данной новелле летопись сообщила, что к руси-сла-

Битва на Немиге. Миниатюра из Радзивилловской летописи, конец XV в.

вянам причислены поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане. Читателю это известно (см.: «Наука и инновации». 2025. №1. С. 71). Известно и то, что причиной отсутствия кривичей послужило упоминание полочан.

Вместе с тем, согласно трактовкам Б. Рыбакова, полочане – это особый небольшой племенной союз, люди, «всегда выделявшиеся летописцем как самостоятельная единица». В теоретических конструкциях балтской концепции, суждениях Б. Рыбакова и М. Пилипенко полочане и кривичи – не едино сущностные, а близкие, но разные этнические группы. Между тем, если следовать букве и духу летописи, полочане – родоначальники кривичей. Поэтому ссылка летописца на полочан автоматически означала, что кривичи – это родовая славянская общность.

Исходя из анализа известий исторического источника, у нас нет согласия с установками балтской концепции, трактовками Б. Рыбакова, В. Седова, М. Пилипенко по той причине, что они противоречат реалиям исторического процесса. Каким же реалиям? А вот каким: если славянская колонизация охватила примерно VI–VIII вв., а аборигенное население в эти 300 лет именовало себя кривами (*kreiv*), то каким образом по истечении столь большого времени названия *kreews*, *krievs* стали использоваться балтами для именования пришельцев русскими? Согласно положениям белорусского археолога С. Тарасова, самый древний культурный слой, открытый археологами в Полоцке, датируется IX–X вв. [11]. Это значит, что пришельцы стали сами себя величать именем «русские» гораздо позднее, не ранее второй половины IX в.

Верны ли доводы и суждения?

Полагаем, для того чтобы отыскать зерно истины, необходимо, руководствуясь диалектико-материалистической методологией, осмыслить суть терминологии исходя из того социально-политического положения, в котором долгое время пребывали местные балты. Ведь ПВЛ прямо говорит: «А се суть инии языци, иже дань даютъ Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемись, морьдва, пермь, печера, литва, землигола, корсь, нерома, либь: си суть свой языкъ имуще, от колена Афетова, иже живутъ въ странахъ полуночныхъ» [12].

Это значит, что балты находились в социально-политической зависимости у славянских княжений, платили им дань, в том числе полочанам-кривичам, а после 862 г. Полоцкому княжеству. Поэтому термины «*kreews*», «*kreewu seme*», «*krievs*» изначально вполне могли содержать социально-политический смысл, служить для именования «захватчиков», «господ», «правителей», «повелителей», «хозяев», обозначать «землю повелителей-господ» и т.п. Эти захватчики и правители жили неподалеку от управляемых и подчиненных, но по своим обычаям и законам. Когда же произошло становление Новгородской Руси, Полоцкой Руси, а литовцы-латыши по-прежнему находились в зависимости, термины «*kreews*», «*kreewu seme*», «*krievs*» в их языке обрели этническое смысловое значение, проще говоря, стали этнонимами, но на уровне архетипа их социально-политическая суть для литовцев и латышей на долгие столетия осталась прежней (отметим: в определенном смысле – вплоть до начала XXI в.).

Возьмем еще один пример. «Древнеримское *familia*, которое переводят обыкновенно через “семейство”, в сущности означало “рабов одного господина”; древнерусская дворян называлась чадью, чадами своего барина; и теперь еще в слове домочадцы объединяются не только родственники хозяина дома, но и его прислуга. Крепостные крестьяне называли своего помещика батюшкой, а сын в древнерусской семье величал своего отца государем-батюшкой, как величал своего хозяина “государем” и древнерусский холоп. <...> Древнерусский тип государственной власти развивался непосредственно из власти отцовской. <...> В этом случае власть господина-отца победившего племени распространялась и на членов племени побежденного» [8], – резюмировал М. Покровский. В период расселения и колонизации новых земель власть в летописных славянских родах уже давно была отцовской.

Анализ цитируемого показывает, что уже в отмеченный исторический период социальный статус человека мог приобретать властно-политическое содержание. И особенно это касалось социального бытия побежденных славянами родов, тех, кто платил и с кого они взымали дань. Славянские *principes* (старейшины рода), в современном понимании лидеры и руководители, наделялись титулом господ, они были управителями своих данников-рабов, прежде всего из числа захваченного балтского населения. В дальнейшем вполне закономерно, что их властно-политический статус стал для местного зависимого населения именем этническим, но все равно обозначал господ, властителей и управителей. И никакого иного смыслового содержания термин

«кривичи» не имел и поднесь не имеет.

Историческая закономерность такого рода была присуща многим этническим общностям. Исследователи прямо указывали, что институт патриархального рабства был характерен не только для восточных славян. Он не зависел от этнической принадлежности и был типичен практически для всех родовых объединений. «Захваченные в плен молодые женщины становятся у Гомера жертвами плотской страсти победителей: военачальники по очереди в соответствии со своим рангом выбирают себе самых красивых из них; все действие «Илиады», как известно, разворачивается вокруг спора между Ахиллесом и Агамемноном из-за такой рабыни. При каждом сколь-нибудь значительном гомеровском герое упоминается пленная девушка, с которой он делил палатку и ложе. Этих девушек берут с собой также на родину и в супружеский дом, как, например, у Эсхила Агамемнон поступает с Кассандрой» [13].

И все же напрашивается вопрос: насколько научно обоснованным является положение о социально-политическом содержании термина «кривичи» и можно ли в доказательство его верности и истинности привести аналогичные примеры из истории других этнических объединений? Для того чтобы у читателя была возможность самостоятельного суждения о сути дела, сошлюсь на пример, почерпнутый из достаточно авторитетного источника, коим является Библия, согласно которой такие примеры в истории были. Так, народ хабиру, изначально бывший кочевником и проживавший на территории Аравии, затем Месопотамии, а потом расселившийся «на протяжении всего пути в Египет», занимался различными видами дея-

тельности, в том числе ремеслом, торговлей, ростовщичеством, земельным устройством, управлением хозяйством. Поселяясь в выбранных им странах, этот народ стремился проникнуть в управленческие структуры, но жил отчужденно и сохранял свою групповую самобытность. Местное население опасалось пришельцев, которые были прозваны чужестранцами, пришлыми кочевниками, жившими подкупом, обманом аборигенов. Таким образом, слово (название) хабиру «относилось не к определенной этнической или лингвистической группе, а скорее служило термином для обозначения социального или политического статуса его носителей. Какова же связь между евреями и этими хабиру? С языковой точки зрения, слова хабиру и иври происходят от общего корня. <...> Сами израильтяне начали использовать прозвище хабиру, произнося его как иври» [14].

Это было сделано для того, чтобы этнические сообщества, на территории которых хабиру когда-либо были и оставили о себе недобрую память, о них забыли. Весьма вероятно, что данный термин не только созвучен восточнославянскому «хабар», но и ведет свое историческое бытие от этого понятия (внести ясность может отдельное исследование). Не исключено, что израильтяне, внимая его сути, определили свое этническое лицо термином «иври». С другой стороны, как известно, в Библии первым «иври» назван Аврам, по воле Господа получивший имя Авраам.

Научная актуальность с повестки дня не снята

Отметим, что в историографии дискуссионное обсуждение вопроса о летописных прозвищах продолжается. Как пра-

вило, аргументация историков пестрит ссылками на летописные источники, на известия киевских летописцев, согласно которым в первой половине XII в. «полоцких князей считали в Киеве “кривическими” и “кривичами” называли тех, против кого посылали войско на южный полоцкий город Изяславль» [15]. Думается, что данное суждение должно базироваться на более убедительных аргументах. Каких же? В Киеве знали, что полоцкие князья – призванные полочанами варяжские конунги. И это многое объясняет. Поставим вопрос: по каким причинам в первой половине XI в. киевский летописец, рассказывая о деяниях Всеслава Брючиславича, разгроме и уничтожении древнего Менеска, третьемартовской 1067 г. битве на Немиге, сентябрьском 1068 г. восстании киевлян против Изяслава и вокняжении Всеслава на киевском престоле, ни разу не назвал ни полоцкого князя, ни его дружину вкупе со сподвижниками кривичами, что означало непричисленными к Руси. И почему летописец, повествуя о том, что киевский Изяслав в отместку Всеславу сперва сына Мстислава назначил полоцким князем, а после его месячного княжения и смерти на этот стол послал брата Мстислава Святополка, но опять же не назвал полоцкое княжение кривичской землей. О сути дела – а это были именно временные назначения – можно судить по следующему известию летописи. Всего около года прожил Святополк в чужой для него Полоцкой земле. В 1071 г. «выгна Всеславъ Святополка ис Полотъска» [12]. Ни войны, ни битвы не было, зная подоплеку дела, не присылал Изяслав своей дружины на помощь сыну, а Всеслав не брал Святополка в плен. В 1071 г., найдя

Святополка в княжеском тереме, с напутствием «Скатертью дорога!» он выгнал чужака из города. И на этот раз летописец не назвал Полоцкое княжение земель кривичей. Поэтому нельзя согласиться с утверждением, что в Киеве полоцких князей считали «кривичскими». Там хорошо знали, что Полоцкое княжение – земля изначальной, исконной Руси.

Участие в дискуссии принимают известные и авторитетные в научном сообществе белорусские историки, которые также доказывают, что «найменні летапісных плямёнаў жывуць да сярэдзіны XII ст., прычым не як рэтраспекцыя. Калі ў 1128 г. адбыўся паход на Полаччыну, то летапісец ведаў, што кааліцыя ідзе на “Кривиче”, як і тое, што Глеб Менскі ў 1113 г. “воевал дреговичи”. А Уладзімір Давыдавіч, які пісаў у 1147 г. да Ізяслава Мсціславіча ў Кіеў, ясна ўсведамляў, што яго воласць – гэта “Вятиче”. Калі гаварыць аб свядомасці асноўнай масы вясковага насельніцтва, то, здаецца, не будзе памылковым сцвярджанне аб захаванні імя племянной (крывіцкай, дрыгавіцкай і радзіміцкай) самаідэнтыфікацыі да сярэдзіны XII ст., аб чым пераканаўча сведчаць пісьмовыя крыніцы і адметнасці пахавальнага абраду, уласцівыя летапісным плямёнам» [16], – говорит И. Марзалюк.

Для того чтобы у читателя была возможность сопоставления дискуссионных суждений, приведем доводы других исследователей. «Ярким примером неадекватного толкования летописных сообщений является освещение популярного вопроса о времени исчезновения “племенных” названий со страниц летописей. В исторических (а иногда, к сожалению, и в лингвисти-

ческих) исследованиях дружно отмечается, что в погодных записях уличи в последний раз упомянуты под 885 г., дулебы – в записи под 907 г., поляне и тиверцы – под 944 г., древляне – под 990 г., словене (новгородские) – под 1036 г., кривичи – под 1127 г., дреговичи – под 1149 г., радимичи – под 1169 г., северяне – под 1183 г., вятичи – под 1197 г., из чего делается вывод о функционировании некоторых “племенных” названий еще во времена поздних летописцев – в период феодальной раздробленности. Между тем приведенный перечень искажает истинное положение дел и основан на недопустимом объединении различных (хотя и однокорневых) ономастических образований – этнонимов и топонимов. <...> Иными словами, собственно этнические названия – наименования людей (этнических или диалектно-этнографических групп) “затухают” в записях не позднее конца X – начала XI в.; в последующих летописных сообщениях (после составления свода 1037–1039 гг.) они иногда “обнаруживаются” в исторической территориальной (географической) номенклатуре, возможно, известной еще Нестору. <...> В частности, необходимо допускать, что уже записи XI в. в каких-то случаях могли отражать лишь память о восточнославянских племенных названиях, а не указывать на сохранение в это время реальных древнерусских диалектно-этнографических групп населения, связанных с одноименными славяноязычными племенами восточной Европы» [17].

Таким образом, изучение и научное осмысление известных исторических источников предоставляет широкую возможность для обоснования новых историографических концепций, которые

касаются истории происхождения белорусского народа, становления его государственно-сти. Термин «кривичи-русские» служил для именования славянского рода, захватившего территорию, заселенную балтами. Балты долгие столетия находились в полной даннической зависимости, с IX в. они стали именовать полоцких князей, во власти которых пребывали, русскими (какими те и были), что означало господ, правителей, хозяев, землю-государство, повелителей-господ. ■

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Мавродин В.В. Образование древнерусского государства / В.В. Мавродин. – Л., 1945.
2. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. Происхождение Руси и становление государственности / Б.А. Рыбаков. – М., 2014.
3. Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 1. Старажытная Беларусь: Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. / Рэдкал.: І. Касцюк (гал рэд) [і інш.]. – Мінск, 2007.
4. Чарняўскі М.М. Ілюстраваная гісторыя старажытнай Беларусі / М.М. Чарняўскі. – Мінск, 1997.
5. Седов В.В. Славяне в раннем средневековье / В.В. Седов. – М., 1995.
6. Полибий. Всеобщая история. В 3 т. 40 кн. // пер. с греч. Ф.Г. Мищенко / Полибий. – СПб., 2005. – Т. I.
7. Полибий. Всеобщая история. В 3 т. 40 кн. // пер. с греч. Ф.Г. Мищенко / Полибий. – СПб., 2005. – Т. II.
8. Покровский М.Н. Избранные произведения в четырех книгах // Кн. 1. Русская история с древнейших времен. Т. I–II. / М.Н. Покровский. – М., 1966.
9. Пилипенко М.Ф. Возникновение Белоруссии: Новая концепция / М.Ф. Пилипенко. – Минск, 1991.
10. Лысенко П.Ф. Туровская земля IX–XIII вв. / П.Ф. Лысенко. – Минск, 1999.
11. Тарасаў С.В. Полацк X–XVII стст.: Гісторыя і тапаграфія / С.В. Тарасаў. – Мінск, 1998.
12. Повесть временных лет // Повести Древней Руси. XI–XII века. – Л., 1983. С. 24–123.
13. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф. Энгельс. – М., 1985.
14. Тора. Современный комментарий. – Иерусалим: Всемирный союз прогрессивного иудаизма. – Мінск, 2009.
15. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства / А.Н. Насонов. – СПб., 2006.
16. Марзалюк І.А. Людзі даўняй Беларусі: Этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.) / І.А. Марзалюк. – Мінск, 2002.
17. Хабургаев Г.А. Этнонимия «Повести временных лет» / Г.А. Хабургаев. – М., 1979.